

РИНАТ
ВАЛИУЛЛИН

РИНАТ
ВАЛИУЛЛИН

ПИСЬМА
ИЗ ОДИНОЧЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В15

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообла-
дателя запрещается.

В книге использованы письма автора —

Ринат Валиуллин

Художественное оформление серии —

Екатерина Ферез

Валиуллин, Ринат Рифович.

В15 Письма из одиночества : [роман] / Ринат Ва-
лиуллин. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
256 с. — (Антология любви).

ISBN 978-5-17-118848-1

Бич человечества — это одиночество, и с каждым го-
дом он будет хлестать все сильнее.

Как бы много люди ни общались в виртуальном про-
странстве — оно отдаляет, все меньше сам мир нуждает-
ся в людях. Одиночество — это не выбор, это естествен-
ный отбор.

Технологии отбирают у людей все живое общение,
общество и государство — все душевное. Они уже про-
никли в людские желания, сегодня предугадывают их, а
завтра намерены диктовать. Человеческого в людях все
меньше. Знаете, что держат люди за обедом вместо хле-
ба? Телефон. Из всех расставаний самое чреватое на се-
годня — расставание с телефоном.

Но вся беда в том, что у главного героя романа, юно-
ши, запертом в одиночестве навсегда, нет даже телефо-
на — только совсем небогатый жизненный опыт, не-
сколько писем и огрызок надежды, что он еще сможет
когда-нибудь увидеть свет.

Роман, полный печали, тревоги и большого мужества.
Основан на реальных событиях. В книге использованы
письма автора.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118848-1

© Валиуллин Р., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Люди сделаны из одиночества
еще в утробе, потом уже, выйдя в свет,
мы пробуем всех на вкус, пытаясь понять,
с кем одиночество вкуснее.*

Здравствуйте дорогие
моя Мама и Папа.

Был я далеко от вас, а теперь
еще дальше — всего 7 км от Нор-
ветской границы, за Мурманс-
ком. Здесь еще жарко — лето
в самом разгаре (письма распусти-
лись лишь 3 недели назад), солн-
це висит за горизонт лишь на
пару часов.

Служить начинаю ровно через
несколько после кризиса, до этого
совершил «интересное» турне
по северной части страны
Ленинград — Пушкин — Ленинград —
Петрозаводск — Мурманск — Титовка
К сожалению вояска морской
пехоты ~~к~~ 22 июня ботли пол-
ностью укомплектованы, и я кон-
воителю в артиллерию. Со

мною приготовились в основном
студентам (после I E курса)
Ребята интересные, улыбаются, веселятся,
разные. Всех разобрало по
Кольской полуострову келму «это —
лине Титовка. Миниатюрная ч-сть
(17 км. до меня) Освоюсь, опишу
подробнее я думаю, что письма
будут почти долго, так что радуй-
те мне ожидаясь ответ.

Всем близким шлите мой ^{привет} здоровья

P.S. в письмо вкладывайте конверты.

Целую
Ваш сын Ринат

В столовой госпиталя я не спеша разбираю суп из вермишели и курицы, вылавливая мясо. Вместо хлеба я держал книгу.

— Меня тоже уже тошнит от этого супа, — усмехнулся рядом со мной чей-то недовольный голос, когда поднос незнакомца совершил жесткую посадку на стол, за которым сидел я. Приборы звякнули, их хозяин приземлился рядом.

— То ли дело дома. Мама такой борщ готовит — пальчики оближешь. — Он сломал хлеб и начал довольно лихо опустошать тарелку.

Я ничего не ответил, только улыбнулся вяло в ответ, не отрывая взгляда от книги. Книжку нашел в тумбочке в своей палате, видимо, кто-то оставил для следующих поколений. Это был фантастический роман, в котором землю поразил неведомый вирус власти.

С неба упал слон. Пять тонн африканского мяса. Рано утром прямо в сердце го-

рода, на центральную площадь одной независимой республики. Она еще никогда не видела столько тела: туша разлетелась на многие километры, горячая кровь хлынула по улицам, в соседние города и страны... Правительство в панике, оно не знает, как убрать с улиц такое количество плоти, которая неожиданно вдруг задышала и пришла в движение. Против слона были брошены военные силы. Кровавое пролитие. Через несколько дней кабинет подает в отставку, понимая, что ситуация вышла из-под контроля, спешно покидает страну вместе с президентом. Слон тем временем полностью оклемался, встал, отряхнулся, собрал парашют цвета национального флага и рассредоточился по своим делам. Никто не знает точно, откуда он взялся и куда делся, говорят, что позже его видели в других странах.

— Я — Батя, тебя как зовут?

«Мать» — захотелось ответить мне, когда я оторвал глаза от книги и увидел сытое ленивое лицо.

— Фолк.

— Фолк?

— Да.

— Странное имя.

— Народ значит, по-английски, — не стал я объяснять, что на самом деле это производная от Федор Волков. Не было никакого желания продолжать пустую беседу о том, кто где служит и кому сколько осталось.

— А, — отстал от меня дембель.

Я снова вернулся к книге, как к мысли, от которой пахло чем-то знакомым.

*Закат убивает красотой ты-
сячи людей, ему скучно умирать
одному.*

Корабль стоял на рейде в руках уходяще-го в завтрашний день солнца. Море поще-чинами выражало ему свои чувства, оно не умело по-другому. Прозрачное, цвета инди-го, небо не предвещало ничего особенного, если не считать чаек, которые взяли весь этот чудесный день в кавычки своих тел, они нарезали воздух на невидимые лоску-ты и кричали, будто пытались сказать: не верьте, это все иллюзия — бродячая собачка вашего воображения. Мир кошмарен, еще кошмарней, чем война, он мучает, прежде чем убить, он любит, прежде чем кого-то другого, он съедает, прежде чем выплюнуть.

Суббота. Военный корабль покачивался гренкой у берегов тарелки с рыбным пересо-ленным супом Тихого океана. Большая часть офицерского состава вышла на берег в уволь-нение, в нашем кубрике матросы празднова-ли день рождения одного из старослужащих,

ели жареную картошку с тушенкой и пили заранее купленную водку. Водка всегда вызывала не только тревогу, но и массы.

— Ну и вонь. Что за х...?

— Кто наблевал в кубрике?

— Алекс, ты, что ль? — увидел он на койке мертвое тело своего друга, лежавшее с открытым ртом, будто отверстие хотело что-то изречь, но все слова вдруг превратились в длинную липкую слюну и потекли на пол.

Рядом растеклось бурое болото извергшейся из чрева лавы, блевотина всегда вызывает чувство отвращения, независимо от содержания, ее кислый запах лез в нос, как будто Алекс выплюнул банку протухших помидоров, которая стрельнула после долгого хранения в подвале желудка. Теплая и навязчивая, она прилипла к полу как оскорбительное высказывание, позвольтельное только в пьяном угаре.

— Сука, Алекс! Говорил тебе — закусывать надо!

— Дневальный! Где дневальный? Сюда его, быстро!

— Кто сегодня дневальный? — продолжал орать Бледный (так между собой звали старшину нашего отделения, именно это

прилагательное выплывало из подсознания при виде его лунного, поглощающего свет лика). Было у него и еще одно прозвище — ФБР, которое он приобрел за инициалы (звали его Филькин Борис) и которым бесконечно гордился. Бледный пользовался непререкаемым авторитетом, он готовился к дембелю, и те, кто хоть как-то зависел от него или искал этой зависимости, звали его ФБР. Не было в Борисе никакой красоты, но и уродства тоже не было, человек с никакой внешностью, будто повернулся к миру тыльной стороной своей личности, устремив взгляд в себя, вовнутрь, высматривая в потемках душу. — Кто сегодня дневальный?

— Фолк, — ответил вездесущий Колин.

— Сюда его быстро.

Фолк — это был я. Я сидел с книгой вдали от праздника. Колин (один из моих друзей по призыву) подбежал ко мне, как почтальон со срочной телеграммой, в которой написано: «Срочно выезжай, дедушке плохо».

Я вырвал из книги последний абзац:

«Люди — как комнаты, некоторые готовы и сдаваться, и сниматься, лишь бы любил, другие же не сдаются и не снимаются,

потому что не хотят жить в беспорядке». Она относила себя к последним, но в этот вечер ей ни в коем случае не хотелось оставаться одной. «Но тогда с кем?» — перебирала она в голове, потягивая мартины. Одной голове было известно, как легко перебраться, пока перебираешь, с кем скоротать вечер, потому что всякая женщина делает это с прицелом на жизнь.

С трудом отобрал взгляд у книги и отдал его ненадолго Колину, а чуть позже — ФБР.

— Где тебя носит, душара? Ты че за порядком не следишь? Бегом здесь все убрать. Видишь, дедушке (вновь призванных, таких, как я, в армии звали духами, дедами звали старослужащих) плохо?

Именинник извергся вулканом и затих, тело обмякло, как старая простыня, волосы сбились, и уже не знали, куда им расти, часть лица стекла и образовала лужу. Сейчас он действительно был похож на младенца: влажного и липкого, рожденного на свет в сапогах и тельняшке, разве что не кричал, а что-то бормотал себе под нос, что-то невнятное и вонючее.

— Не буду, — вырвалось у меня бессознательно.

— Совсем охренел, что ли? Быстро схватил ведро, швабру и вперед, пока я добрый.

Глядя на эту темную осеннюю лужу, без фантазии, без отражения, уже точно знал, что не буду ее убирать. Осень я и вправду не любил: слякоть, скука, небо неделями не меняет белья, грязь, которая волочитя за тобой повсюду, целует твои ноги, оставляя на них следы коричневой помады, только бы ты взял ее с собой в дом, жижу свежесжатого сока земли, отдаленно напоминающую эту массу на полу. Разве что та не пахнет, хотя кто ее нюхал?

— Повтори, что ты сказал?

— Я не буду.

— Никакого уважения к старослужащим, — вздохнув, кинул он тень усталости зрителям партера и злорадно ухмыльнулся своему внутреннему миру.

Я снова нырнул взглядом в лужу (какое-то странное любопытство тянет повторно взглянуть на мерзость, отрывая взгляд от уродства, ты непременно бросишь его туда еще раз), в этот момент влажная тряпка ладони, полной горечи, влетела в мою скулу. Щека вспыхнула огнем, но в глазах потемнело. Из внезапно налетевших сумерек показались довольные черепа зрителей с дымящимися сигарет-